

Зона подготовки к посадке на космической станции была намного просторнее тренировочной площадки, но Март показалось, что воздух здесь стал только разреженнее.

Возможно, из-за темпа речи Март 7.

Розововолосая девушка походила на вечный двигатель: с того самого момента, как она ступила в зону подготовки, её рот не закрывался ни на секунду.

Её голос отскакивал от металлических стен, сплетаясь с доносившимся издалека гулом работающих механизмов в некий странный фоновый шум.

— Так вот, Эон — это самое высшее существо во всей вселенной! — Март уселась, поджав ноги, на ящик с припасами, а висевший на груди фотоаппарат так и раскачивался из стороны в сторону. — Они не живые организмы, скорее уж... воплощённые концепции?

Например, Нанук, Эон Разрушения: куда бы Он ни ступил, всё вокруг превращается в руины. Клипот, Эон Сохранения, вечно занят возведением стен — говорят, он строит их уже несколько миллионов лет...

— А в стене есть вайфай? — спросила Стелла.

— ...Совсем не в этом суть!

— А в чём тогда суть?

— В Пути! — Март спрыгнула с ящика и зажестикულიровала руками. — Дороги, по которым ступали Эоны, — это Пути. Если смертный следует тем же идеалам, он может обрести соответствующую силу! Например, Дань Хэн идёт по Пути Охоты, а я — по Пути Сохранения...

Стелла наконец оторвала взгляд от бейсбольной биты в руке и посмотрела на Март 7:

— Сохранение? Ты?

— Чего это у тебя такое лицо! — Март надулась и упёрла руки в боки. — Сохранение — это защита! Я защищаю всех шестифазным льдом, между прочим, очень разумно!

— Шестифазный лёд, — повторила Стелла, уперевшись кончиком языка в нёбо и издавая тихий цокающий звук. — То есть ты можешь создавать шесть видов льда?

Март на мгновение замерла, а затем её глаза засияли:

— Верно! Шестифазный лед! Я могу заморозить...

— Шесть видов эскимо?

— ...Шесть концепций! А не эскимо!

— Концепций? — Стелла склонила голову набок. — А эскимо из них сделать можно?

— ...Можно. — Голос Март 7 стал тише. — Но...

— Так это же просто шесть видов эскимо!

В зоне подготовки воцарилось краткое молчание.

Какой-то робот, перевозивший вдали припасы, кажется, завис на секунду: его манипулятор застыл в воздухе, словно логика этого диалога перегрузила его центральный процессор.

Уголки рта Март 7 начали подёргиваться.

Её пальцы судорожно вцепились в ремень фотоаппарата, суставы побелели, а розовая чёлка едва заметно задрожала от её учащённого дыхания.

Стелла заметила, как кончики ушей Март с видимой глазу скоростью заливаются краской: от нежно-розового до ярко-малинового и до глубокого фиолетового, близкого к грани ярости.

— Э-то — со-всем — не — то! — Март чеканила каждое слово, и казалось, будто они выдавлены сквозь зубы. — Шестифазный лед — это заморозка шести концепций! Например, заморозка памяти, заморозка времени, заморозка эмоций... Это очень мощная способность! Это не, не, не...

— Не шесть видов эскимо, — подхватила Стелла.

— Да!

— Но эскимо сделать можно.

— ...

Март 7 издала странный звук, средний между всхлипыванием и рычанием.

Её фотоаппарат взметнулся вверх — вовсе не для того, чтобы сфотографировать, а навис над головой Стеллы, словно какое-то тупое орудие, источая угрозу со страшной силой.

— Я заморожу тебя до состояния ледышки, — объявила она. — Седьмая разновидность эскимо. Назову её «Эскимо со вкусом бешенства Март 7».

— Тогда понадобится семь видов льда.

— Седьмая фаза шестифазного льда! Нельзя, что ли?!

— Если фаз семь, почему бы не назвать его семифазным льдом?

Фотоаппарат Март 7 наконец рухнул вниз — но его точно и мгновенно заблокировал древко Копья рассекающего облака в руках Дань Хэна.

Металл звонко столкнулся с металлом, издав хрустальный звук «дзынь», который долго эхом раскатывался по зоне подготовки.

— Время до отправления поезда — два часа. — Голос Дань Хэна раздался с другого конца древка. Он неизвестно когда успел оказаться между ними, а экран его терминала всё ещё светился. — Рекомендую побережь силы и избегать внутренних конфликтов.

— Она меня бесит! — Март указала на Стеллу, и в её голосе послышались обиженные нотки. — С самого пробуждения она только и делает, что выводит меня из себя!

— Я задаю вопросы, — возразила Стелла.

— Это называется «троллинг»!

— Троллинг — тоже разновидность вопросов.

Терминал Дань Хэна издал тихий сигнал.

Стелла заметила краем глаза, как на краю экрана промелькнула строка текста, но из-за угла обзора разобрать содержимое не удалось.

Она обратила внимание лишь на уголки рта Дань Хэна — те самые уголки рта, что круглый год сохраняли идеально прямую линию, приподнялись вверх примерно на три миллиметра.

Он улыбался.

Это открытие удивило Стеллу куда сильнее, чем возможность превратить шестифазный лед в эскимо.

Она уставилась на профиль Дань Хэна, пытаясь убедиться, действительно ли этот изгиб существовал, но Дань Хэн уже отвернулся, оставив ей лишь свою спину да смутно различимую плашку на экране терминала:

«Потенциал носителя Звездного ядра в качестве социального террориста вызывает подозрения».

— Я видела, — произнесла Стелла.

— Что? — Дань Хэн не обернулся.

— Твой ярлык.

— Это секретная запись.

— Ты пишешь её прямо на экране.

— ...Это была моя ошибка.

Март воспользовалась моментом, чтобы обойти Стеллу с другой стороны, и снова вскинула фотоаппарат:

— Забудь про него! Стелла, мы продолжаем! На чём мы там остановились... Ах да, Пути! Какой твой Путь?

Стелла опустила взгляд на бейсбольную биту в своей руке.

Едва заметная бледно-голубая линия была почти неразличима в холодном свете подготовительной зоны, но стоило ей сосредоточиться, как она ощутила, что запертые в узорах потоки данных медленно циркулируют, словно кровь в жилах впадающего в спячку зверя.

— Я не знаю, — ответила она. — Может быть... «Освоение»?

— Освоение — это общий идеал нашей команды, а не название Пути! — Март помотала головой, и её розовые кончики волос задела плечо Стеллы, вызвав лёгкое щекотание. — Но раз уж твоя совместимость с оружием оказалась настолько крутой, может, это и правда Путь «Разрушения»? Или «Эрудиции»?

— «Разрушение» звучит как что-то слишком жестокое.

— Ты довольно жестоко расколотила марионетку.

— Это была случайность.

— Сто девяносто девять случайностей из двухсот, — вставил Дань Хэн, и его голос звучал так бесстрастно, будто он зачитывал прогноз погоды.

Стелла решила сменить тему.

Она посмотрела на покачивающийся на груди у Март 7 фотоаппарат и миниатюрный брелок в виде бейсбольной биты:

— Твой шестифазный лед... может заморозить «имя»?

— Имя? — Март опешила.

— Ну, например, если я дам тебе прозвище, сможешь ли ты заморозить его льдом, чтобы оно навечно прилипло ко мне?

— ...Нет. — Выражение лица Март стало настороженным. — Что ты задумала?

— Холодный Маленький Розовый Дракончик, — выдала Стелла.

— Чего?

— Твоё прозвище: Холодный Маленький Розовый Дракончик. — Стелла указала сначала на розовые волосы Март 7, а затем на её выражение лица, с которым та секунду назад пыталась запустить в неё фотоаппарат. — Лицо холодное, волосы розовые, похожа на дракона — драконы изрыгают огонь, а ты изрыгаешь лед. Почти одно и то же.

Март разинула рот, напоминая выброшенную на берег рыбу.

Терминал Дань Хэна снова пиликнул.

На этот раз Стелла отчетливо видела, как он делает запись: пальцы стучали по экрану ещё быстрее прежнего, а строка меток обновилась:

«Подтвержден потенциал социального террориста. Дополнительный ярлык: мания называть

вещи своими именами».

— Т-тогда у тебя тоже должно быть прозвище! — Март наконец обрела дар речи, но тон взлетел на октаву выше. — Ради справедливости! Будем квиты!

— У меня уже есть имя.

— Это имя, а не прозвище! — Фотоаппарат Март 7 яростно закачался на груди, её мозг явно работал на предельных частотах. — Ты, ты... Седые волосы, бледная кожа, похожа на лошадь...

— Лошадь?

— На белую лошадь! Горячая Белая Маленькая Лошадка!

В зоне подготовки снова воцарилась тишина.

Какой-то проходящий мимо сотрудник космической станции остановился, озадаченно посмотрел в их сторону, а затем молча покачал головой и зашагал дальше.

Робот наконец возобновил работу: его манипулятор продолжил переносить припасы, но движения стали на пятнадцать процентов более деревянными, чем прежде.

— Горячая, — повторила Стелла.

— Да! Когда ты только что препиралась, у тебя было очень красное лицо...

— Это твоё лицо было красным.

— ...И к тому же ты упряма как лошадь!

— Лошадь — символ верности.

— Белая лошадь ещё означает «принц»!

— Я вообще-то девушка.

— Принцесса тоже сойдёт!

- Принцессам не нужно таскать с собой бейсбольную биту.

Март 7 издала второй за сегодняшний день странный звук, средний между всхлипыванием и рычанием.

Но на сей раз она поумнела: не стала замахиваться фотоаппаратом, а бросилась напролом, вцепившись обеими руками в щеки Стеллы и растягивая их в стороны.

— Горяча-ая! Бела-ая! Маленька-ая! Лошадка-а! — Чеканила она каждый слог, сопровождая каждое слово новым рывком. — При-ми! Свою! Судьбу!

Щеки Стеллы растянулись в самые немыслимые формы, и говорить внятно стало трудно:

— ...Холодный Маленький Розовый Дракончик.

— Что?

— Твое прозвище. Я его приняла, так что и ты принимай своё.

— Это шантаж!

— Это честный обмен.

Терминал Дань Хэна просигнализировал в третий раз.

На сей раз он даже не пытался скрываться, делая запись прямо на глазах у обеих девушек, и звук был отчетливо слышен:

«Время записи: 14:47. Место: зона подготовки к посадке космической станции. Событие: носитель Звездного ядра (Стелла) и член экипажа поезда (Март 7) завершили обмен прозвищами. Стелла → Март 7: Холодный Маленький Розовый Дракончик. Март 7 → Стелла: Горячая Белая Маленькая Лошадка.

Примечание: обе стороны демонстрируют уровень социальной адаптации, не соответствующий статусу амнезиаков. Рекомендуются дальнейшее наблюдение на предмет аномальной скорости установления «связей».

— Каких ещё связей? — Стелла всё ещё держалась за оттянутую щеку, выговаривая слова с трудом.

— Никаких. — Дань Хэн убрал терминал. — И к тому же, до отправления поезда остался один час и сорок минут. Рекомендую...

— Что рекомендуешь?

— Рекомендую вам прекратить щипать друг друга за щеки, Пам-Пам не любит, когда на пассажирах остаются синяки.

Март мгновенно отпустила её, отступила на два шага назад, принялась разглаживать чёлку и воротник, делая вид, будто ничего не произошло.

Стелла потёрла покрасневшие щеки и заметила, что кончики ушей Март снова покраснели — но на этот раз вовсе не от гнева, а от какого-то другого оттенка... больше похожего на застенчивость?

— Насчет этого прозвища, — тихо произнесла Март, — разрешаю звать меня так только тогда, когда никого нет рядом.

— Какого именно?

— Обоих! — Март зыркнула на неё, но в её взгляде не было ни капли угрозы. — В общественных местах нужно звать по имени! Таковы правила!

— Кто установил эти правила?

— Я!

— Тогда у меня тоже будут свои правила, — заявила Стелла.

Она демонстративно выдержала паузу, наблюдая, как Март в нетерпении подалась вперёд.

— Мои правила таковы: эскимо должно быть со вкусом клубники.

Март на секунду замерла, а затем рассмеялась.

Это был вовсе не тот преувеличенный, наигранный смех, что звучал раньше, а лёгкое, идущее из глубины груди хихиканье с едва уловимым пузырящимся звуком.

Её глаза изогнулись полумесяцами, а в янтарных зрачках отражался свет ламп подготовительной зоны, напоминая два маленьких солнышка.

— Идет, — согласилась она. — Как только поднимемся на экспресс, угощу тебя фирменным шестифазным эскимо. Клубничным.

— И никаких шести вкусов?

— ...Один! Только один!

Дань Хэн уже дошёл до самого конца зоны подготовки и остановился перед шлюзовыми воротами, ведущими в посадочный сектор.

Его спина казалась особенно стройной в холодном свете, а острие Копья рассекающего облака отбрасывало на пол длинную тонкую тень.

Он не обернулся, но его голос долетел до них совершенно отчётливо:

— Поезд дал гудок.

Стелла действительно услышала его.

Это был низкий, протяжный звук, напоминавший дыхание какого-то древнего зверя или зов из самых глубин звёздного океана.

Звуковая волна пробила металлическую обшивку космической станции, прокатившись между стенами подготовительной зоны и заставив грудную клетку Стеллы вибрировать в резонанс.

Она невольно обернулась и посмотрела на панорамное окно в конце зоны подготовки.

За стеклом простирался глубокий космос.

Звёзды, словно рассыпанные осколки бриллиантов, были вкраплены в чёрный бархат пустоты.

Солнечные батареи космической станции раскинулись вдали, походя на металлический цветок.

А в самом углу одного из окон стояла крошечная фигурка.

То была ещё одна марионетка.

Куда более изящная и реалистичная, чем та, что разбила Стелла, с более сложной картой звёздного неба, вышитой на фиолетовом подоле платья.

Она держала в руках табличку, повернув её лицом к Стелле, и на ней светящимися буквами было выведено:

«Не забудь вернуться, чтобы я тебя изучила».

Стелла прищурилась.

Табличка была небольшой, но марионетка держала её абсолютно неподвижно, словно зафиксированная какой-то невидимой силой.

Она попыталась разглядеть, есть ли что-то на обратной стороне таблички, но угол был неудачным, и удавалось заметить лишь краешек какой-то более мелкой надписи, едва мерцающей в звёздном свете.

— Стелла! — крик Март прервал её созерцание. — Скорее! Мы опоздаем!

Стелла в последний раз взглянула на панорамное окно.

Марионетка уже опустила табличку, и фиолетовый подол её платья растворился в тени, словно её здесь никогда и не было.

Но Стелла знала, что она там была — позади какого-то объектива камеры, под взглядом какой-то пары фиолетовых глаз.

— Иду, — ответила она.

Она побежала к шлюзу, бейсбольная бита в её руке слегка нагрелась, и бледно-голубая линия на ней, кажется, стала чуточку ярче прежнего.

Март поджидала её у дверей, протянула руку и совершенно естественно перехватила её за запястье.

— Держись крепче, — предупредила Март. — Первый проход через шлюз может немного укачать...

— Я потеряла память, а не на космических кораблях в первый раз летаю.

— Но ты же никогда не ездила на Звёздном экспрессе!

В тот момент, когда шлюзовые ворота раздвинулись, на них пахнуло мягким потоком воздуха.

В отличие от ледяной стерильности станции, этот воздух нёс в себе смесь запахов дерева и кожи, напоминающую залитую солнцем старую библиотеку.

Поле зрения Стеллы заполнило сияние, и когда глаза привыкли, перед ней предстало...

Поезд.

Совсем не такой транспорт будущего, каким она его себе воображала — не обтекаемый звездолёт и не угловатый боевой корабль.

А самый настоящий, самый классический паровоз, пышущий паровыми клубами.

Глубоко красный корпус, золотые декоративные линии, а над локомотивом красовалась огромная эмблема в виде звезды, которая медленно вращалась, излучая мягкое серебристое сияние.

Прямо перед носом локомотива стояла низкорослая фигурка.

Это был... кролик?

Нет, не кролик.

Вглядевшись внимательнее, Стелла поняла, что перед ней маленькое существо в форме кондуктора. У него были длинные уши — но не кроличьи, а принадлежащие какому-то неведомому ей виду.

Оно держало руки за спиной, стояло в строгой стойке, пуговицы на мундире сверкали, а эмблема на груди была точь-в-точь такой же, как вышивка на куртке Стеллы — поезд, рассекающий кольца звёзд.

— Пассажир Стелла, — заговорило это существо голосом детским, но полным достоинства. — Добро пожаловать на Звёздный экспресс. Я Пам-Пам, проводник поезда.

Его взгляд скользнул по Стелле, по Март 7, по подросшему Дань Хэну и в конце концов остановился на бейсбольной бите в руках Стеллы.

— И да, — ушки Пам-Пам слегка задрожали. — Никакого оружия массового уничтожения на борту экспресса, па.

— Это бита.

— Бита тоже запрещена, па!

— Она не светится...

— Засветится ещё как, па! — Ушки Пам-Пама встали ещё торчком. — Прошлый пассажир говорил ровно то же самое! В итоге его «не светится» превратилось в «прожгло три вагона насквозь»!

Стелла и Март переглянулись.

— А что... что сделал прошлый пассажир? — шепнула Стелла.

— Это секретная информация, па! — Пам-Пам повернулся и зашагал к локомотиву, а его хвост (самый настоящий пушистый хвост, как у какого-нибудь грызуна) покачивался из стороны в сторону. — В общем, добро пожаловать в путешествие Освоения. Следующая остановка — неизвестность. Время отправления...

Он поднял лапку и взглянул на карманные часы, совершенно несоразмерные с его габаритами.

— ...Прямо сейчас.

Паровозный гудок прозвучал вновь.

Март потащила Стеллу за собой на подножку вагона, и бита в её руке задрожала, словно набивающее ритм сердце.

Стелла бросила прощальный взгляд на космическую станцию: тот самый иллюминатор был уже пуст, но она ни капли не сомневалась, что где-то в незримом измерении глаза Хэйта следят за ней сквозь бесчисленные линзы.

И сквозь те странные летящие реплики.

И сквозь ту мелкую надпись на обратной стороне таблички — в конце концов разглядеть её так и не удалось, но какое-то шестое чувство подсказывало, что эта фраза связана с «узами», с «наблюдением» и с каким-то затворником-шутником, что прямо сейчас вершит всё это действие.

— Держись крепче! — Март усадила её на сиденье у окна, устроившись рядом, а её фотоаппарат уже был нацелен на стекло. — Первый прыжок — это та еще поездка! Увидишь радугу, увидишь своё прошлое, а может...

— Меня стошнит?

— ...Тоже может быть.

Поезд начал ускоряться.

Звёзды за окном вытянулись в линии, затем превратились в лучистые ленты, а после — в не поддающиеся описанию геометрические узоры.

Стелла крепче сжала бейсбольную биту, ощущая, как пульсация бледно-голубой линии на древке постепенно синхронизируется с вибрацией вагона.

— Холодный Маленький Розовый Дракончик, — внезапно бросила она.

— Чего тебе? — Март даже не обернулась, продолжая безумно щелкать затвором камеры, запечатлевая виды за окном.

— Ничего. Просто позвала.

Кончики ушей Март покраснели.

Но спорить она не стала.

Дань Хэн сидел на сиденье напротив, экран его терминала светился, фиксируя какие-то данные. Стелла мельком заметила последнее обновление в строке меток:

«Горячая Белая Маленькая Лошадка и Холодный Маленький Розовый Дракончик. Примечание: прозвища взаимно признаны. Степень риска: повышена».

Стелла улыбнулась, положила бейсбольную биту поперёк колен и стала смотреть на причудливое буйство красок за окном.

Поезд мчался сквозь звёздное море, словно нож, разрезающий шёлк.

А её собственная история с каждым толчком, с каждым вздохом и с каждым новым узором на бите медленно разворачивалась во всей красе.

В каком-то недостигаемом измерении рождалась и всплывала новая строка символов:

****«Глава 3. Конец»****

****«Глава 4. Достижение разблокировано: Посадка на экспресс»****

****«Анонс следующей главы: Первое правило кондуктора»****

Стелла моргнула.

Символы исчезли, словно их никогда и не было.

Но она точно знала: кто-то наблюдал за ней.

Не Хэйта, не Пам-Пам и не кто-либо из известных ей существ.

Нечто более далёкое, более насмешливое и куда более склонное к «веселью».

— Ханаби, — бездумно произнесла она это имя, словно обломок, выловленный из глубин забытого сна.

— Что? — Март повернула голову.

— Ничего, — покачала головой Стелла и ещё крепче сжала биту. — Прыжок уже начинается?

— Уже всюю! Держись за меня...

Свет поглотил абсолютно всё.

<http://bllate.org/book/19707/1938005>